

light on if we suppose that instead of Proto-Uralic they have reconstructed (and obviously quite near to the truth) a *lingua franca* of Uralic languages in the broader sense of the meaning (coupled with creolization and pidginization) as the term is extensively used today.

Lutz Edzard showed that a monogenetic language tree model as a symbol of affinity of Semitic languages is more than questionable. He raised three objections as to the model: 1) one cannot reconstruct "proto-languages" because of the lack of data, 2) one must admit to the "abstractedness" of reconstructed languages, 3) one must allow for dialectal variation even at the "proto-stage". Vulgar Latin is tended to regard as the Proto-Romance language. But yet the recon-

struction of Proto-Romance, based only on the mutual comparison of Romance languages is impossible. Incidentally, we simply have written records about Vulgar Latin to proceed from. The researcher did not think it plausible to suppose that once upon a time there existed a linguistic unity on the Arabian peninsula which later dispersed — no evidence has later been found about such a dispersion. (Last year he published an extensive monograph on the subject: L. E d z a r d, *Polygenesis, Convergence, and Entropy. An Alternative Model of Linguistic Evolution Applied to Semitic Linguistics*, Wiesbaden 1998).

The participants of the symposium departed with a firm wish to meet in Oulu in the year of 2000.

AGO KÜNNAP (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.4.13>

**III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
«ПУТИ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КУЗЕБАЯ ГЕРДА**

17—18 февраля 1998 года в Удмуртском государственном университете состоялся симпозиум из серии, начало которой было положено Мордовским государственным университетом, организовавшим конференцию на ту же тему, и Удмуртским государственным университетом, который провел конференцию по «Проблемам развития литературных языков финно-угорских народов».

На III симпозиум был представлен (и в большинстве случаев оглашен) 51 доклад, хотя лишь 42 докладчика смогли принять в нем участие. Количество участников и докладов (в скобках) распределилось по городам и весям следующим образом: Ижевск — 32 (36), Йошкар-Ола — 2 (6), Хельсинки — 2 (2), Сыктывкар — 1 (2), Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Глазов (УР), с. Бураново (Завьяловский р-н УР) — по 1 (1).

Симпозиум имел некоторые особенности по сравнению с предыдущими: во-первых, он был объявлен как меж-

дународный и в его работе приняли участие исследователи из Российской Федерации и Финляндии; во-вторых, было выделено исследовательское направление, связанное с переводом священных текстов мировых религий (в первую очередь христианства) на восточные финно-угорские языки. Это вызвано прежде всего тем, что в последние десятилетия в Институте перевода Библии Финляндии уделяется огромное внимание переводу христианских книг на финно-угорские языки России, причем одним из важнейших достижений этого направления является издание Ветхого Завета на удмуртском языке¹ в переводе доктора филологических наук диакона М. Г. Атаманова при редакционной помощи и финансовой поддержке финской стороны. Продолжается перевод на восточные финно-угорские языки священных книг других ре-

¹ Виль Сизён, Стокгольм—Хельсинки 1997 (Библиез берыктонъя Институт).

лигий. Так, в 1994 году опубликованы на удмуртском языке четыре книги основателя «Общества сознания Кришны» А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; в-третьих, симпозиум был посвящен 100-летию со дня рождения Кузубая Герда (Кузьмы Павловича Чайникова), выдающегося удмуртского писателя и литературного критика, фольклориста и этнографа, музыковеда и лингвиста, внесшего неопределимый вклад в развитие культуры не только удмуртского, но и других финно-угорских народов. Осознавая необходимость творческой и общественно-политической деятельности в 1920—1930-е годы для поднятия культурного уровня и общественного сознания малочисленных народов, К. Герд писал: «Всю эту литературно-творческую работу и переводческую работу я в настоящем отчете привожу потому, что каждый национальный, хотя бы «научнообразный», работник ведет эту работу, одновременно являясь и научным работником, и писателем, а порою и актером. Все эти работники в данный момент не могут не работать во всех этих областях, т. к. это имеет громадное значение для культуры наших народностей. Когда же культурный слой будет больше, тогда и пойдет более углубленная специализация в работе.»² Доклады, посвященные деятельности К. Герда, необоснованно репрессированного в конце 20-х годов, звучали не только на специальной секции, но и на пленарном заседании, и на других секциях.

На открытии симпозиума с приветственными речами выступили декан факультета удмуртской филологии А. В. Ишмуратов, ректор Удмуртского государственного университета В. А. Журавлев, председатель Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» В. К. Тубылов и заведующий кафедрой удмуртского языка и методики его преподавания И. В. Тараканов.

На первом пленарном заседании было заслушано пять докладов, представлявших почти все основные направления тематики симпозиума. Доклад З. А. Богомоловой (Ижевск) «Слово о Герде» был

² Цит. по: Ф. К. Ермаков, Удмуртский поэт и ученый, Ижевск 1988, с. 3.

посвящен биографии, личности и творческой деятельности К. П. Чайникова. Его дополнило выступление Н. С. Кузнецова (Ижевск) «Личность Кузубая Герда по материалам СОФИН», построенное на документах, извлеченных из архивов КГБ. По мнению докладчика, К. Герд своей жизнью пытался доказать удмуртам, правителям тогдашней России и СССР, а также зарубежной общественности, что существует на земле удмуртский народ со своей древней культурой, языком и потенциальными возможностями быть равным среди других народов.

А. Г. Шкляев (Ижевск), «Герд и становление удмуртского литературного языка», обратил внимание на принципы образования новых слов и использования диалектизмов, которых придерживался К. Герд в своей поэтической практике. Дальнейшее развитие и нормирование удмуртского литературного языка, правда, шло в обход практики Герда и многие его новации не прижились в литературном языке. Однако в наше время, когда наследие К. Герда возвращается к народу, следует, по мнению докладчика, вернуться к его идеям и широко вводить неологизмы поэта и те диалектизмы, которые он хотел узаконить в литературном языке.

Мирьям Пенттинен (Хельсинки), «О переводе Библии на языки финно-угорских народов, проживающих в Российской Федерации», отметила, что сейчас Библия переводится на все эти языки, причем к переводу предъявляются три главных требования: точность, ясность и естественность, что достигается коллективными усилиями переводческой группы. Издается перевод после многоэтапной работы с учетом предложений читателей.

М. Г. Атаманов (Ижевск) в докладе «Первый памятник удмуртского языка» анализирует «Жалованную грамоту...» Ивана Грозного удмуртам Сырьанской волости от 25 февраля 1557 года как документ, в котором впервые в структуре текста на русском языке обильно представлены удмуртские корни в составе личных имен, и тем самым отодвигает время возникновения удмурт-

ской письменности вглубь на два столетия (по общепринятому мнению, первые памятники удмуртского письма относятся лишь к первой трети XVIII века), подтвердив прозорливые слова П. Домокоша, сказанные им два с лишним десятилетия назад.³

Из-за отсутствия многих иногородних докладчиков секции «Терминологическая лексика и нормы литературного языка» и «Грамматика и нормы литературного языка» были объединены в одну, на которой заслушано 11 докладов.

Е. А. Цыпанов (Сыктывкар), «Пути и проблемы лексического расширения коми языка», рассматривая этот процесс с точки зрения динамики литературного языка, выявляет источники обновления лексики за счет внутренних ресурсов и освещает факторы, способствующие и препятствующие внедрению новообразований в активное словоупотребление.

А. П. Шкляев (Ижевск) в докладе «Проблемы словоупотребления неологизмов в газетной практике» обратил внимание на некоторые недостатки словотворческой работы в Удмуртии.

В докладе А. Ф. Шутова «Развитие синтаксиса удмуртского литературного языка (гипотаксис)» отмечается, что итогом развития гипотактических отношений, в значительной мере спровоцированных появлением письменной литературы в середине прошлого века, является сосуществование в современном языке 1) древних гипотактических (деепричастных, причастных, отглагольноименных) конструкций, 2) сложноподчиненных предложений, часть которых возникла относительно недавно, и 3) определенного вида переходных случаев. Среди вторых выделяются сложноподчиненные предложения индоевропейского типа (с препозитивными союзными и союзными словами) и сложноподчиненные предложения с непрепозитивными союзными словами.

Л. А. Абукаева (Йошкар-Ола), «Стилистический потенциал сложноподчиненных предложений нерасчлененной

структуры в марийском языке», приходит к выводу, что стилистические возможности сложноподчиненных предложений и других способов выражения подчинительных отношений обусловлены в марийском языке их хронологической глубиной: наиболее древние стилистически нейтральны и широко употребительны; относительно поздние (особенно присубстантивно-определятельные) стилистически маркированы и употребляются в основном в публицистике.

По наблюдениям Н. Н. Тимерхановой (Ижевск), «Основные тенденции функционирования сложноподчиненных предложений с временными и условными придаточными в удмуртском литературном языке», в современной художественной литературе — по сравнению с художественными текстами 1920—1930-х годов — наблюдается рост употребляемости конструкций с временными и условными придаточными. Высокую частотность имеют конструкции с союзным словом *куке* 'когда; пока', союзами *бере* 'раз' и особенно *гинэ* 'как только, едва', передающими значение быстрой смены действий и тем самым придающие художественному произведению большую динамичность.

А. Н. Ракин (Сыктывкар), «Новая лексика в романе Г. А. Юшкова «Бива»», анализирует язык нового исторического романа одного из ведущих современных коми писателей.

Л. Л. Карпова (Ижевск) в докладе «Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона)» останавливается на тех языковых явлениях, возникновение которых в той или иной системе обусловлено, по ее мнению, индиалектным влиянием. Так, под влиянием языка бесермян в говорах среднечепецких удмуртов произошли веларизация гласного *i* (> *ä*), озвончение и палатализация согласных в определенных условиях; и, напротив, под влиянием северноудмуртских говоров в бесермянском наречии появился ряд особенностей: показатель аккузатива множественного числа *-tš*, приблизительно-местные падежи с *-ñ* в формантах, показатели элатива и эгрессива *-žš* и *-žsen*, выражение причинно-целевых отноше-

³ P. D o m o k o s, *Az udmurt irodalom története*, Budapest 1975, с. 159.

ний сочетанием имени с послелогом *ripna* 'за, для, ради' и т.д.

Т. И. Зайцева (Ижевск), «Восприятие современной удмуртской литературоведческой терминологии читателем. К постановке вопроса», говорила о приживаемости новых терминов в среде удмуртской интеллигенции. В докладе В. Л. Шибанова (Ижевск) «Литературатодон но культура удысьёсын виль нимкылёсты радъянысь куд-ог ужпумьёс» предложена классификация терминов литературоведения и культуры в зависимости от возможности и необходимости их перевода на удмуртский язык.

З. И. Учаев и Н. В. Белкова (Йошкар-Ола), «Использование грамматического потенциала условно-сослагательного наклонения в обогащении современного литературного марийского языка», обратили внимание на многозначность условно-сослагательных конструкций в марийском языке при сохранении ими инвариантной семантики — предположения.

О. А. Сергеев (Йошкар-Ола) в докладе «Россиеведческая лексика в памятниках письменности марийского языка: по материалам рукописных словарей XVIII—XIX веков» утверждает, что к XVIII веку приток русских слов в марийский язык только начинался, он увеличился в XIX веке в связи с развитием науки и техники, расширением взаимосвязей русского и марийского языков.

На секции «Кузубай Герд: жизнь, отданная творчеству» было заслушано пять докладов — все из Ижевска: В. М. Ванюшев, «Динамичность поэтики лирики Кузубай Герда», Т. Г. Владыкина, «Кузубай Герд: проблемы фольклора и фольклоризма», С. Т. Арекеева, «Метафора в поэзии Кузубай Герда», И. К. Клестов, «Герд как основоположник удмуртской гражданской лирики», А. А. Вахрушев, «К. Герд — журналист и редактор».

На секции «Перевод, литературный язык, культура» вниманию слушателей было предложено семь докладов, один — лишь в текстовом варианте (В. А. Перова (Йошкар-Ола), «Синонимические пары антонимов в марийском языке»).

А. С. Лобанова (Пермь), «Литературная норма и «новая» лексика в коми-пермяцких переводах христианских текстов», задается вполне уместным вопросом, приживутся ли «новые слова», включенные в переведенные с русского языка тексты: «Исуслён олан» (Жизнь Иисуса) и «Святёй Стефанлён Перемскёй Епископлён олан» (Житие святого Стефана, епископа Пермского).

Р. С. Куликова (Ижевск), «Работа Удмуртского радио по распространению и пропаганде неологизмов удмуртского языка», сообщила, что такая работа в полной мере началась лишь после принятия новой Конституции Удмуртской Республики, в которой удмуртский язык признан одним из государственных языков республики, и при Госсовете республики была создана Республиканская термино-орфографическая комиссия, которая развернула свою деятельность по выработке удмуртских терминов.

П. И. Воронцов (Ижевск), «О переводах учебников по естественным наукам на удмуртский язык (30—40-е гг.)», пришел к выводу, что переведенные учебники содержат десятки неологизмов, достойных обогатить литературный язык. Возобновление преподавания всех школьных предметов на удмуртском языке расширило бы сферы функционирования удмуртского языка и обогатило бы его терминологическую лексику.

Н. А. Сергеева (Ижевск), «Некоторые особенности перевода Библии для детей (Исуслэн улэмез)», рассмотрела один из аспектов переводческой деятельности — восприятие перевода.

А. М. Понамарев (Ижевск) свой доклад «Социокультурные аспекты развития национальных языков» посвятил анализу взаимосвязи развития национального языка и социально-этнической общности. Указывая на важнейшую особенность развития восточнофинно-угорских народов на территории политической целостности, официальным языком которой является иной язык — русский, докладчик приходит к заключению, что для нормального развития этих языков необходим ряд условий: придание национальным языкам статуса официальных; формирование целостной системы

национального образования; создание в республиканских центрах этноязыковой среды общения, способной «переплавлять» диалекты в единый национальный язык и т.д.

В докладе «Периодизация дооктябрьских русских лексических заимствований в удмуртском языке» Р. Ш. Насибуллин (Ижевск) выделяет четыре периода: 1) XII—XIII вв. — середина XVI в. (русские слова проникают из северновеликорусского наречия в северные говоры удмуртского языка); 2) середина XVI в. — 1847 г. (слова проникают в южноудмуртские диалекты из акающих говоров); 3) 1847—1905 гг. (слова начинают усваиваться через книжно-письменный язык, причем преимущественно клерикального характера); 4) 1905—1918 гг. (состав заимствований получает крен в сторону научно-технической лексики).

На секцию «Язык и стиль художественного текста» были представлены девять докладов.

В докладе Н. Н. Глухой (Йошкар-Ола) «Стилистические возможности фольклорных текстов в обогащении современного марийского языка» предлагается таксономия выразительных средств и образных приемов в фольклорных текстах двух жанров — заговоров и языческих молитв. По мнению В. Г. Пантелеевой (Ижевск), «О роли поэтического перевода в процессе регламентации литературного языка», особенность этой роли обусловлена тем, что методика, теория и практика перевода базируются на вовлечении всех ярусов общенародного языка. Г. Н. Шушакова (Ижевск), «Фольклорный текст как норма литературного языка», считает, что литературные нормы представлены в фольклоре, который по охвату особенностей национального языка шире литературного узуса.

В. К. Кельмаков (Ижевск), «Диалектное и литературное в языке рукописного фольклорного сборника полувекковой давности», анализировал удмуртскую часть сборника частушек, составленного Г. К. Бакеевой в начале 50-х годов в д. Верхняя Юмья Кукморского района Республики Татарстан,

с точки зрения отражения в нем фонетических особенностей кукморского говора.

И. М. Зонов (Ижевск), «О взаимоотношении языка, культуры и сознания», характеризуя язык как неотъемлемую и важнейшую составную часть этнического самосознания, полагает, что главная причина непонимания при межкультурном общении заключается все же не в различиях языков, а в различиях национальных сознаний коммуникантов.

На секцию «Литературные нормы, методика преподавания языка, ономастика» поступило 10 докладов, посвященных отдельным вопросам языкознания и языковой политики (3), лингводидактики (4) и ономастики (3).

В докладе Р. Я. Бычковой (Ижевск) «К проблеме трехязычия в национальной школе» рассмотрены особенности учебного процесса в т. н. национальных школах. При этом докладчик считает, что отличие этих школ от русскоязычных заключается лишь в том, что в первых изучаются удмуртский язык и литература как предмет, обучение же в целом ведется на русском языке. В. Маркина (Саранск—Хельсинки), «К вопросу орфографии -мс-инфинитива» сообщила о четырех типах этого инфинитива, выявленных в процессе преподавания мокшанского языка. Анализируя орфографию отдельных глаголов рассматриваемого ею типа, она пришла к выводу, что трудности их правописания вызваны отсутствием в мокшанском алфавите букв для обозначения фонем *ь* и *ä*. Л. Е. Кириллова (Ижевск), «Об упорядочении названий населенных пунктов Удмуртии», отметила, что многие удмуртские названия были переведены на русский язык и русифицированы. При этом ряд названий был искажен и лишен смысла. Много неточностей встречается и в написании ойконимов. Все это требует серьезной работы по упорядочению названий населенных пунктов и приданию официального статуса народным названиям селений. Спорной проблеме слитного и раздельного написания микропонимов был посвящен доклад М. А. Самаровой (Ижевск) «К вопросу о право-

писании микропонимов». Р. В. Соломинко (Ижевск), «Особенности микропонимии села Покрово-Урустамак Бавлинского района Республики Татарстан», предложила классификацию микропонимов, зафиксированных ею в этом удмуртском селе.

На секции выступили также А. И. Орлова (Ижевск), «Проблема автора и перевод», Р. А. Кузнецова (Ижевск), «Последовательность предъявления речевого материала на грамматической основе дошкольникам», В. Ф. Байсаров (с. Бураново Малопургинского р-на УР), «Кылэз дышетоннын выль технологиос но шонер гожьяськон», Е. А. Главатских (Ижевск), «Основные приемы активизации речевых упражнений при изучении категории наклонения удмуртского языка», Н. И. Ураськина (Ижевск), «Текстообразующие функции союзов».

Заключительное пленарное заседание началось с заслушивания четырех докладов.

Ю. В. Андуганов (Йошкар-Ола), «Роль словосложения в формировании терминологии финно-угорских литературных языков», отметил, что успех обогащения лексики необходимыми терминами напрямую зависит от того, в какой мере делается упор на собственные словообразовательные возможности языка. Так, в старописьменных венгерском, финском и эстонском языках значительная часть лексики «высшей сферы» создана искусственно, причем в существенной мере с помощью словосложения. Так, около 65 % словаря финского литературного языка составляют сложные слова. В восточных финно-угорских литературных языках композит не так много, но внутренние возможности для образования новых слов путем словосложения достаточно велики.

И. В. Тараканов (Ижевск) в докладе «Удмуртская орфография. История, современное состояние, перспективы усовершенствования», кратко изложив историю удмуртской графики и орфографии, акцентировал внимание на современном состоянии последней и указал на имеющиеся недостатки в правописании отдельных слов и частей речи, в первую очередь сложных слов, составных терминов и фразеологизмов. Дополнением к этому докладу стало выступление О. П. Корепановой (Глазов) «О некоторых вопросах удмуртской пунктуации».

Р. М. Баталова (Москва), «Возможные пути усовершенствования орфографии и пунктуации коми-пермяцкого литературного языка», обратила внимание на отдельные недостатки в правилах правописания и во втором издании орфографического словаря (Кудымкар 1980). Наименее разработанными оказались разделы: 1) написание слов с чередованием *л ~ в*; 2) правописание сложных слов и словосочетаний, 3) правописание послеложных сочетаний; 4) орфография частиц; 5) переносы слов и некоторые другие. Значительно влияющие системы знаков препинания русского языка на коми-пермяцкую пунктуацию, особенно в части выделения причастных и деепричастных оборотов, вводных предложений и т.д. В докладе высказан ряд конкретных предложений, направленных на уточнение и совершенствование орфографии и пунктуации коми-пермяцкого литературного языка.

Очередной, четвертый, симпозиум по проблемам литературных языков финно-угорских народов решено провести через три года предположительно в Йошкар-Оле.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)